

А.Ю. Урманчиева

ГОВОРКА: ПРИМЕР СТРУКТУРНО СМЕШАННОГО ЯЗЫКА¹

This paper deals with *Govorka*, a peculiar language that appeared on the Taimyr peninsula within native communities (Dolgans, Northern Samoyed, Evenki). *Govorka* can hardly be regarded as a local variety of Russian. It would be much more correct to regard Russian in this case as a lexifier. Some decades ago *Govorka* was still used as a lingua franca among natives. Now there are only a few Nganasans of the older generation who can speak *Govorka*; no one of them is proficient in standard Russian. The first linguistic description of *Govorka* was given by E. Helimski. He wrote: “The vocabulary of this pidgin derives almost entirely from Russian; phonetic changes are not very considerable. <.> Grammatical morphemes also derived from Russian ones. But from a structural point of view the grammar of the pidgin is very far removed from the flexive Russian. It represents the Ural-Altai morphosyntactic type, transformed towards a more analytical structure” (Хелимский 2000: 378). Other linguists also define *Govorka* as a pidgin. But some morphological properties of *Govorka* prevent us from regarding this language as a pidgin. In this paper we analyze the basic grammatical structures of *Govorka*. It allows us to speculate on which language type *Govorka* represents and how it arose. We also try to determine which aboriginal language of Taimyr could serve as a model language reflected in the non-Russian grammatical structure of “Govorka”. The paper is based on our own samples of “Govorka”, collected in 2009 from Kurumaku Fjodorovič Tuglakov.

В статье рассматривается материал говорки – особого языка, возникшего на Таймыре в XVIII–XIX вв. на основе русской лексики. Еще несколько десятилетий назад говорка служила средством межнационального общения в среде нганасан, энцев, долган и эвенков. Сейчас говоркой владеют всего несколько нганасан, представляющих старшее поколение. Впервые говорка была записана и описана Е.А. Хелимским. Он определяет говорку следующим образом: «Лексика этого пиджина почти целиком почерпнута из русского языка, не претерпев при этом сколько-нибудь значительных фонетических изменений;<.>Грамматические морфемы также имеют русское происхождение. Однако структурно грамматика пиджина крайне далека от флективного русского языка и представляет собой урало-алтайский морфосинтаксический тип, преобразованный в направлении большего аналитизма» (Хелимский 2000: 378). Вслед за Е.А. Хелимским о говорке принято говорить как о пиджине – однако, на наш взгляд, ряд особенностей говорки препятствует такому определению. Данная работа посвящена рассмотрению грамматических особенностей говорки. Тем самым будет уточнен тип языкового образования, которым является говорка, и, кроме того, будут высказаны некоторые предположения, позволяющие уточнить гипотезу о ее происхождении.

Параллельно мы попытаемся определить, можно ли указать конкретный аборигенный язык, внесший вклад в формирование оригинальных, «нерусских» грамматических конструкций говорки. Описывая практически исчерпывающим образом основные морфологические и синтаксические особенности говорки, Е.А. Хелимский, вместе с тем, не указывает конкретного аборигенного (по крайней мере, не русского, так как присутствующий на Таймыре долганский считать аборигенным не вполне корректно), по модели которого сформирован грамматический тип говорки. Соответственно, анализируя

---

¹ Govorka data were collected in sommer 2009 during fieldtrip in Dudinka, organized within the project no. 125225 “A comparative Syntax of Northern Samoyedic Languages” financed by the Academy of Finland.

грамматические конструкции говорки, мы будем сопоставлять их с грамматическими конструкциями северно-самодийских, эвенкийского и долганского языков. Мы пользуемся материалами по говорке, собранными в г. Дудинке летом 2009 года в ходе работы с Курумаку Федоровичем Туглаковым.

Затрагивая вопрос о происхождении говорки, как кажется, нельзя вовсе обойти вниманием вопрос о происхождении пиджинов как таковых. Цитируем статью Е. А. Перехвальской, специально занимавшейся этим вопросом: «Что же касается пиджинов, то обычно пиджин определяется как вспомогательный редуцированный идиом, возникающий в отсутствие билингвизма, не имеющий коллектива собственных носителей, служащий средством коммуникации в стандартной ситуации» (Перехвальская 2007: 162). И далее: «Следовательно, у контактирующих групп людей нет общего языка. Кроме того, их целью является достижение понимания, а не изучение языка друг друга. Это значит, что пиджин возникает не как упрощенная версия полного языка. Говорящие прибегают к внеязыковым формам коммуникации (жесты, мимика), используя отдельные слова своих родных языков. Если ситуация общения повторяется и в ней участвуют одни и те же люди, вырабатывается звуковой язык, т.е. появляются слова, понятные всем участникам контакта, а также набор правил для связи этих слов. <...>

Язык функционирует как совокупность “лексических обломков”, организованных самым примитивным из способов, при котором возможна передача сообщения при опоре на актуальную ситуацию». Далее, в той же работе Е.В. Перехвальская пишет о двух из тех пиджинов, с которыми ей удалось работать: «Мною были сделаны записи русского жаргона, возникшего в Финляндии (записывались финны). Стандартная коммуникативная ситуация – продажа подержанной бытовой техники, а также дружеская беседа за бутылкой. Кроме того, в мое распоряжение попали интереснейшие записи франкофонного жаргона, использующегося русскими специалистами, работающими в Гвинее. В обоих случаях записи представляют собой части диалогической речи, поскольку нарратив на “рудиментарном идиоме” вряд ли возможен. Общей чертой оказалось “избегание глаголов”, значение которых домысливалось» (Перехвальская 2007: 163–164).

Говоря о пиджине, мы можем выделить две особенности, отличающие его от «полноценных» языков: 1) ограниченная сфера функционирования пиджина; 2) грамматическая рудиментарность пиджина. О грамматических особенностях говорки речь пойдет ниже – они, собственно, и являются центральным объектом рассмотрения в данной работе, позволяющим прийти к основным выводам. Сейчас скажем вкратце о функционировании говорки. По ряду черт ситуация функционирования говорки отличается, на наш взгляд, от ситуаций функционирования пиджинов, описанных Е. В. Перехвальской. Существенным отличием говорки от описанных пиджинов является меньшая ее «рудиментарность»: среди доступных и Е. А. Хелимскому, и нам текстов на говорке большинство составляют *фольклорные* тексты: говорка оказывается способной обслуживать и сферу *нарратива*. Лексический состав говорки оказывается более «сбалансированным» по сравнению со стандартным пиджином: говорка в достаточной степени насыщена глаголами, что позволяет строить полноценный нарратив, состоящий из цепочки предикаций.

Е.А. Хелимский так реконструирует историю говорки: «Есть все причины полагать, что пиджинизация стандартного русского языка (СРЯ) и превращение его в говорку (Г) произошли главным образом благодаря имевшим место XVIII–XIX веках контактам так называемых “русских затундренных крестьян” с аборигенным населением Таймыра. Эти крестьяне, мигранты из европейской части России (почти исключительно из северных ее районов) или отставные солдаты, создали в этот период в южной части полуострова сеть небольших – один-два дома – поселений (зимовий), которые шли с запада на восток. Все более переходя от торговли и традиционных занятий русского крестьянства к охоте и рыболовству и заимствуя все больше элементов хозяйственного и бытового уклада местных жителей, они к концу XIX века растворились в среде крещеных якутов

и эвенков, став одним из компонентов новой долганской народности (Долгих 1963). Пиджин-говорка (или предшественник его современной формы) мог облегчить соответствующие контакты на их ранних стадиях. Его распространение в таймырском регионе позволило ему принять на себя функции *lingua franca*».

Попытаемся определить по грамматическим чертам говорки, о каких именно абorigенах идет речь. Если принять гипотезу о формировании говорки в XVIII–XIX вв. в южной части Таймыра, то на роль абorigенного языка, внесшего «грамматический вклад» в говорку, могут претендовать 1) якутский, и, соответственно, несколько позже – долганский; 2) самодийские языки – нганасанский, энецкий, а также, начиная со второй половины XIX века – ненецкий; 3) эвенкийский (ср.: «некоторые черты говорки могут быть правдоподобно объяснены тунгусским субстратом» (Хелимский 2000: 380)).

Таким образом, возникновение пиджина предполагает такую ситуацию, при которой общение между представителями двух контактирующих языковых коллективов является крайне ограниченным. В силу этого коммуникация обеспечивается за счет создания «средства скорой помощи», то есть за счет выработки нового достаточно упрощенного языкового образования – пиджина. В ходе этого процесса один из языков служит так называемым языком-лексификатором, то есть лексические морфемы в подавляющем большинстве поступают в пиджин из этого языка. Однако при том, что в пиджине, тем самым, материально присутствует прежде всего только один из контактирующих языков, речь не идет о процессе усвоения этого языка представителями другого языкового коллектива. Для нас в этом процессе существенным оказывается то, что язык-лексификатор *не обеспечивает пиджин своей грамматикой, и в пиджине складывается собственная грамматическая система*. Насколько справедливо это в отношении говорки? Действительно, при том, что языком-лексификатором для говорки послужил русский, в говорке достаточно грамматических черт, которые делают ее безусловно нерусским языком. В ней представлен целый ряд оригинальных грамматических конструкций, которые не имеют параллелей в русском языке. Структурно в говорке запечатлелся определенный «абorigенный» лингвистический тип, характерный для таймырского региона, и русский язык оказался как бы пропущен через «таймырскую лингвистическую призму».

Иными словами, эти конструкции нельзя представить как упрощение, искажение или трансформацию определенных грамматических конструкций русского языка. То есть грамматическую систему говорки необходимо признать оригинальной, несводимой к упрощению русского языка за счет неполного и некорректного его усвоения представителями абorigенного населения.

Приведем примеры таких конструкций (большинство из них описаны в (Хелимский 2000)). Эти конструкции, безусловно, чужды русскому языку в той же степени, в какой они являются органичными с точки зрения грамматического строя абorigенных языков. Соответственно, приводя примеры оригинальных, «нерусских» грамматических конструкций говорки, мы приводим также примеры северно-самодийских², эвенкийских либо долганских фраз, иллюстрирующих существование подобных конструкций в указанных языках:

---

² Группу северно-самодийских языков (нганасанский, ненецкий, энецкий) в данной статье представляет энецкий язык, так как он является «экспедиционным» языком автора, знакомым ему в наибольшей степени. Специально подчеркнем, что, выбирая энецкий в качестве представителя северно-самодийской группы языков, мы не имеем в виду, что именно энцы – а не нганасаны или ненцы – являются теми северно-самодийцами, которые приняли наиболее активное участие в формировании говорки. В данном случае энецкий является просто представителем северно-самодийского морфосинтаксического типа; с точки зрения тех грамматических конструкций, о которых речь пойдет в статье, энецкий ничем принципиально не отличается от других северно-самодийских. Эвенкийские примеры представляют западные диалекты этого языка; они выбраны из текстов, опубликованных в (ИФЭ 1966), долганские примеры приводятся по книге (Убрятова 1985)

1. Отсутствие морфологически выраженного числового противопоставления в говорке

В говорке существительные не имеют числовых форм. Это нехарактерно в равной степени для русского языка и для аборигенных языков Таймыра: и в северно-самодийских, и в эвенкийском, и в долганском в именной парадигме существует четкое противопоставление единственного и множественного (в северно-самодийских – также двойственного) числа. Отсутствие грамматического числа существительных в говорке является результатом процесса пиджинизации.

2. Атрибутивная конструкция из двух существительных строится по принципу «определение перед определяемым»:

- (1) *Какой-то земля дыра попал.*
'Попал в какую-то дыру в земле.'
- (2) *Мальчик голова белой становился.*
'Голова мальчика стала белой.'

Такой порядок характерен для всех трех аборигенных языков Таймыра, хотя грамматическое оформление имен в этой конструкции различается: в северно-самодийских представлена генитивная конструкция, в эвенкийском и долганском – изафетная:

- (3) эн. *Ee-n'i* □ *aburi* *iroxido* □.
мать-Gen.1 голова(-Acc) поднять-Норт-s1
'Подыму-ка я голову матери.'
- эвенк. *Urēn* *amīnī-n* *xutewēn* *irget'ilden*.
ИС отец-3 ребенок-Acc растить-Inch-Praes-3
'Отец Урона начал воспитывать его сына.'
- долг. *эмэксин* *һыырга-та*
старуха нарта-3
'нарта старухи'

Русской конструкции с относительными прилагательными в говорке часто соответствует также атрибутивная конструкция из двух имен:

- (4) *Железо красота тут много.*
'Железных украшений <на девушке> много'

Такая конструкция является единственно возможной в северно-самодийских и долганском, в эвенкийском же относительные прилагательные образуются от имен при помощи специального суффикса:

- (5) эн. *Oduḍa* *bese* *binexone* *seri*.
лодка-3 железо веревка-Лос быть.привязанным-Praes-s3
'Лодка железной веревкой привязана.'
- эвенк. *Xele-me-we* *imendelwen* *ganattan*.
железо-Attr-Acc пуговица-Acc-3 выстрелить-Praes-3
'Выстрелил в его железные пуговицы.'
- долг. *көмүс* *коруонка*
золото коробка
'золотая коробка'

3. Пространственные послелого в говорке

Для передачи значений именной категории локализации в говорке используются послелого. В говорке послелог не имеет дополнительного грамматического оформления, что позволяет отличить конструкцию существительное + послелог от конструкции существительное + существительное, занимающей позицию косвенного дополнения и

выражающей пространственное значение. Дело в том, что во втором случае именная группа оформляется использующимся в говорке «универсальным» показателем косвенного падежа, имеющим форму *места* (об этом показателе см. ниже). Ср приводимые фразы с послелогоми и фразы с именными группами, в состав которых входят существительные *середина* и *край*. Послелого характерны для всех аборигенных языков Таймыра. В северно-самодийских, долганском и эвенкийском послелого с пространственным значением дополнительно оформляются показателями пространственных падежей. В говорке такое оформление не имеет смысла, так как различающиеся у послелогов при помощи падежных форм значения латива, локатива и элатива в говорке передаются одним и тем же показателем *места*:

- (6) **Бода берку стоит.**
 ‘Он стоит на воде (т.е. не тонет).’
Бода берху тут бегом уиёл.
 ‘По воде бегом ушел.’
Котел большой стоит огонь берху.
 ‘Большой котел на огне стоит.’
- (7) **Чум низ идет эта вода.**
 ‘Под чум вода течет.’
- (8) **Один орел сидит солнце сторона нос.**
 ‘Один орел сидит носом к солнцу.’
Чум сторона какой-то люди говорит громко говорит.
 ‘Со стороны чума какой-то человек говорит, громко говорит.’
Этот река сторона не ходи, эта река край места бек ходи.
 ‘От этой реки не уходи, вдоль этой реки все время иди.’
Сушит сонцо сторона.
 ‘Сушит на солнце.’
(С)тарик прямо тут аргиш сторона бежал.
 ‘Старик тут прямо к аргишу побежал.’
- (9) **Белой камень стал прямо тот камень рядом который уиёл.**
 ‘Белый камень стал прямо рядом с тем камнем, через который <парень> ушел.’
Отец рядом (с)пим.
 ‘Рядом с отцом мы спим.’
Товарись рука рядом там бросил рука.
 ‘Рядом с рукой товарища свою руку бросил.’
- (10) **Меня зади человек идет.**
 ‘Позади меня человек идет.’
- (11) **Депка месте кушать кончили.**
 ‘Вместе с девкой закончили есть.’
- (12) **Один сети стоит озеро горло поперек.**
 ‘Сеть стоит поперек горловины озера.’
- (13) **Камень-то середина место колол.**
 ‘Камень посередине раскололся.’
Огонь середина место тебя тень-то видать.
 ‘Посреди огня виден твой образ.’

- (14) *А он озеро край место бегал.*
 ‘Он побежал на край озера.’
Тут дорога край место синяк-то есть маленько.
 ‘По краю дороги лежит немного снега.’

- (15) эн. *Sodo n'i-ne*
 мыс(-Gen) место+на=LocAdv
ɲuikorio ɲuio d'igua.
 один=Emph трава не.иметься-Praes-s3
 ‘На мысу ни одной травинки нет.’
- эвенк. *Etirkēn tar d'ajasšā xutewi*
 старик этот спрятать-PtPraet ребенок-Acc.PossCoref
kalan xergīdē-lī-n.
 котел место+под-Prol-3
 ‘Этот старик спрятал ребенка под котлом.’
- долг. *Дьиз иһугэр эмэксин олорор*
 дом нутро-DatPoss старуха сидеть-Praes-3
 ‘В доме старуха сидит.’

4. Падежная система говорки

Падежные функции		Языки			
		эвенкийский	долганский	энецкий	говорка
ядерные	номинатив	именительный	номинатив	номинатив	∅
	аккузатив	винительный	аккузатив	аккузатив	
	генитив	изафетная конструкция	изафетная конструкция	генитив	
пространственные	пролатив	продольный	инструментальный	пролатив	место
	инструменталь	творительный		локатив	
	локатив	дательно-местный	дательный	латив	↓
	датив				
	латив контактный	местный	↓	↓	
	латив безконтактный	направительный			квази-падежная форма с частицей <i>дэк ~ дэт</i>
	элатив контактный	отложительный	исходный	элатив	место
	элатив безконтактный	исходный		послелог <i>по-</i>	(с)торона
	комитатив	совместный	выражается послелогом	послелог <i>пе-</i>	месте

В приводимой ниже таблице мы сопоставляем падежную систему говорки с падежными системами эвенкийского, долганского и энецкого языков. В первом столбце таблицы перечислены падежные функции, грамматикализуемые в падежных системах этих языков, во втором, третьем, четвертом и пятом столбце таблицы показано, как эти значения распределены между падежными формами конкретных языков. Если какая-то функция передается не падежной формой (а, например, послеложной конструкцией), то эта послеложная конструкция вносится в таблицу, но ячейка с этой формой выделяется серым цветом. Если какое-то значение может передаваться двумя способами – употреблением полисемичного падежного показателя или специализированным образом – этом случае между двумя ячейками ставится пунктирная разделительная линия, а от показателя с более общим значением к показателю с

узким значением ставится стрелка, показывающая, что полисемичный показатель может замещать собой специализированный показатель³.

В данном разделе мы проиллюстрируем примерами только падежную систему говорки, фактически включающую в себя два показателя – *Ø* и *места*. Форму имени с нулевым показателем Е. А. Хелимский называет абсолютной формой имени (о ее синтаксических употреблениях см. (Хелимский 2000: 387–388)), о второй форме он пишет, что «способом оформления обстоятельств места, как и не прямых дополнений, являются конструкции с послелогом *место* (фонетически, разумеется, *мэста*)» (Хелимский 2000: 388). В работе Е. А. Хелимского приводятся примеры с послелогом *место*, см. (Хелимский 2000: 388), однако он группирует эти примеры по принципу того, какие именно конструкции СРЯ может заменять в говорке конструкция с послелогом *место*. В данной работе мы организуем примеры по иному принципу, показывая, какие синтаксические и семантические функции имени, релевантные для языков Таймырского региона, может кодировать данная конструкция.

4.1. Локатив

- (16) *Че это бада места че такое че шумит?*
'Что это такое в воде, что такое, что шумит?'
- Тут места-та один человек стоит.*
'Тут один человек стоит.'
- Ээй, дорога места какой-то черный лежит.*
'О, на дороге что-то черное лежит.'
- Тот бириэмя место тут...*
'В это время...'

4.2. Инструменталь

- (17) *Палка места талкает потом снимает.*
'Палкой толкает <сеть, ставя ее в воду>, потом снимает <её>.'
- Ну копсик места бода черпал таруха.*
'Ну, ковшиком воду старуха зачерпнула.'
- Голова-то сипсы места огонь места бросал.*
'Голову щипцами в огонь бросил.'
- Тут он нос места нюхаит.*
'Тут он носом нюхает.'
- Теперя дальсе одна эта одна рука места теперя бегал.*
'После этого дальше с одной рукой побежал.'

4.3. Латив-Датив

- (18) *Опять ураҕа места эта обратно тянит.*
'Опять в чум обратно несет.'
- Ушел вода места.*
'Пошел к воде.'
- Тут теперя сын места дабал.*
Потом сыну дала.

---

³ Порядок перечисления падежных значений в первом столбце таблицы выбран нами только исходя из того, чтобы значения, покрываемые полисемичными показателями, попадали в соседние ячейки.

4.4. Элатив

- (19) *Тут луку бытащил нога места.*

‘Тут лук вытащил из ноги.’

Тут места кровь-то бежит рот места кровь-то бежит.

‘Отсюда кровь течет, и изо рта кровь бежит <у раненого оленя>.’

Элатив используется в аборигенных языках данного региона и в сравнительной конструкции – ср. в связи с этим следующий пример из говорки:

- (20) *Характер-то другой (с)тал первый место.*

‘Характер стал другим по сравнению с прежним.’

4.5. Пролатив

- (21) *Твой сын пускай придет меня дорога места.*

‘Твой сын пускай придет по моим следам.’

Тут места идет река край места.

‘Там идет по берегу реки.’

Тут дыра места теперь товарищ-то вроде бы зашел.

‘Через эту дыру товарищ вроде бы зашел.’

Как показано в таблице, в случае бесконтактного латива (‘в направлении, к’), как и в случае бесконтактного элатива (‘со стороны’) в говорке используется не послелог *места*, а послелог *(с)торона* (см. пример (8)).

Что можно сказать в целом о падежной системе говорки? Очевидно, что она не является «калькой» ни северно-самодийской, ни эвенкийской, ни долганской падежной системы. Мы имеем дело с несомненным случаем пиджинизации. А именно, падежные формы сведены к двум: ядерные синтаксические функции имени кодирует абсолютная форма существительного, все функции косвенных падежей принимает форма с послелогом *места*. Очевидно, что такая двухпадежная система является оригинальной чертой говорки, возникшей в результате пиджинизации. Однако, как нам кажется, в модели, по которой произошла пиджинизация в части косвенных падежей, можно усмотреть прежде всего влияние северно-самодийской падежной системы:

- функции послелога *места* в говорке передают значения самодийских пространственных падежей, – и только их;
- значения бесконтактных пространственных падежей в энецком передаются послелогом *по-*, в говорке – послелогом *(с)торона*;
- комитативное значение передает в энецком послелог *не-*, в говорке – послелог *месте*.

Если мы посмотрим на приведенную выше таблицу, то окажется, что противопоставления в падежной системе говорки в наибольшей степени соответствуют противопоставлениям внутри северно-самодийской (а не эвенкийской или долганской) падежной системы, хотя, конечно, последние были радикально упрощены в процессе пиджинизации.

5. Конструкции со значением сравнения (‘как’)

В наших записях говорки представлено два послелога, передающих значение сравнения: послелог *меря* передает количественное сравнение, послелог *tokobađa* (этимология его нам неизвестна) передает качественное сравнение. Оба этих послелога могут употребляться не только в сочетании с именами, они могут оформлять также различные глагольные формы, см. примеры ниже. Только первый из этих послелогов упомянут в (Хелимский 2000), и только в значении количественного сравнения. На самом деле

функции этого послелого более разнообразны: количественное сравнение (22) приблизительное количество (23), а при прибавлении к инфинитиву – обозначение внутренней возможности (ability) субъекта совершить данное действие (24):

- (22) *Сапсем дом мера или болок мера такой камень стал.*
 ‘Прямо размером с дом или с болок⁴ камень появился.’

Люди выходить мера дыра

‘Такая дыра, что человек может через нее выйти.’

Сила мера два мешка мясо положил.

‘В два мешка себе по силам мясо положили.’

- (23) *Двадцать мера чум видали.*
 ‘Примерно двадцать чумов увидели.’

Аргис-то много, **тридцать мера олень.**

‘Аргишей-то много, около тридцати оленей.’

- (24) *Так-то большой чё-то делать мера.*
 ‘В общем-то уже взрослый настолько, что может что-то делать.’

В северно-самодийских языках есть точный функциональный эквивалент многозначного слова *мера*, ср. энецкое слово *piro* ‘высота’: пример (25) иллюстрирует значение количественного сравнения, пример (26) – значение приблизительного количества, в примере (27) *piro* в сочетании с отглагольным именем обозначает внутреннюю возможность:

- (25) *ɲuibo d'ere piroxone ime / ude*
 один-Gen день высота-Loc старший / младший
 ‘на день старше / младше’ (Helimski Ms.)

Kuo piroone seiro sooŋa.
 который=Adj высота-Prol глаз-2 смотреть-Praes-s3

t'uku? soodedeðo.
 весь-Асс видеть=Нр-Praes-ор2
 ‘На сколько видит твой глаз, все (олений) будешь видеть.’

- (26) *Tys'at' kilometer piro d'axada tedeði.*
 тысяча километров высота река-Gen-3 ширина.
 ‘Ширина той реки – около тысячи километров.’

N'abada d'ud'ido? s'idi koriʔo piro kaia.
 заяц-Gen-3 мера-Lat два хорей длина остаться-Praes-s3

S'idi temaa piro.
 два вершок длина
 ‘До зайца два хорей примерно осталось. Два вершка примерно.’

- (27) *Mod'i d'axanen'i? kuraxario nexa piro ne*
 я земля-Loc-1 какой-нибудь взять-NMLZ высота женщина

niu? tonea??
 Neg-Praes-s3-Emph иметься-Conn
 ‘Разве в нашей земле нет женщины, которую можно было бы взять в жены?’

⁴ Болок — небольшое (около 4–5 м²) легкое жилье на полозьях.

<i>Naaseada</i>	<i>d'abodo?</i>	<i>idi</i>	<i>pirea</i>	<i>piro.</i>
молчать-NMLZ-3	длина-Lat	котел	сварить-NMLZ	высота
'За то время, что он молчал, котел свариться мог бы.'				

Ниже приводятся примеры сравнительной конструкции с элементом *tokobaða*.

- (28) *Мячик токобаða катился там.*
'Как мячик катился там.'
Меня токобаða пускай придёт.
'Как я пускай придет.'
Бода-то тут кипит токобаða.
'Вода словно кипит.'
Рубить токобаða один раз так бросил.
'Один раз <топор> воткнул <в таком положении,> как рубят.'
Такой чё-та тут дрова таскать токобаða.
'Кто-то непонятный, словно ветки на себе носит <описание рогатого оленя>'.
Меня че делал тут токобаða твой сын пускай придет меня дорога места.
'Вот как я делал, таким же образом пускай твой сын придет по моим следам.'
Дом близко тут какой-то дрова место так положенный токобаða люди положил токобаða маленький топор тут железный уручка.
'Возле дома на каком-то бревне, как положенный, как будто человек его положил, маленький топор с железной ручкой.'

В ряде случаев перед конструкцией с *tokobaða* может быть прибавлен элемент *как* (29) или *какбуто* (< как будто) (30):

- (29) *Два ребята родил се болос как железо токобаða.*
'Двух сыновей родила, волосы словно железные.'
Озеро как мерзлый токобаða.
'Озеро как будто замерзшее.'
Сея-то пряма как дикой хор токобаða толстой
'Шея-то прямо как у дикого хора толстая.'
Тут-то интересно... как радио токобаða... он тут только и смотрит этот баба-то.
'Интересно ведь... как радио... женщина только и смотрит <на эту говорящую птицу>'.
(30) *Так он летит... какбуто летал токобаða.*
'Так он летит (в прыжке)... как будто летел.'
Тут парень-то маленький два раза какбуто трясул токобаða.
'Тут-то младший парень два раза как будто встряхнулся.'

Разница в значении между конструкциями, представленными в (28), (29) и (30), вероятно, существует, но здесь мы не будем останавливаться подробно на этом вопросе.

6. Глагольная система говорки

Оригинальными чертами говорки, отличающими ее от русского языка, являются:

6.1. Утрата противопоставления совершенного и несовершенного видов. При этом в говорке предпочтение отдается тем формам глагола, которые в русском языке имели значение несовершенного вида (этот факт отмечается в работе (Хелимский 2000) и в работе (Stern 2009)). При этом часто удаляются глагольные приставки (сохраняются они прежде всего в тех случаях, где в русском языке произошла идиоматизация: *ушел, упал, зашел...*).

- (31) *Меня отец казывал эта.*
'Это рассказал мой отец.'

Интересно также, что все многообразие морфологических средств образования русского несовершенного вида вошло и в говорку, то есть при регулярной замене форм совершенного вида на формы несовершенного вида не произошло морфологического упрощения, выравнивания форм русского НСВ, ср.:

1) В русском глагол НСВ является производным. Соответственно, СВ в русском языке образуется прибавлением приставки, в говорку такая форма входит с опущением приставки:

- (32) *Ребята места делал дулганской одежда.*
'Сделала детям долганскую одежду.'
Нога-то, так колол нога потом нога место так резал.
'Ногу-то, ногу вот так уколол ножом, потом ногу вот так вот разрезал.'
Тут камень-та пополам колол.
'Тут камень пополам раскололся.'⁵
О-о, таруха пугался.
'О-о, старуха испугалась.'
Так бязал беревка место.
'Так привязал веревкой.'

2) В русском НСВ образуется при помощи суффикса *-а*. В русском такие глаголы НСВ могут быть как приставочными, так и бесприставочными, в говорку приставка обычно опускается:

- (33) *Тут-то бросал дорога место.*
'Потом на дорогу бросил.'
Такой котел маленькой таскал.
'Взяла маленький котел.'
По одной мамонта прягал это.
'По одному мамонту запряг.'

В говорку были корректно заимствованы и такие формы НСВ из этой группы, в которых в основе происходит непродуктивное чередование – появление тематического согласного.

- (34) *Нганасанской парку одевал.*
'Надел нганасанскую парку.'
Тут теперя сын места дабал.
'Потом сыну дала.'

Точно так же корректно освоены и те русские формы НСВ, коррелятом которых служат однократные глаголы СВ с суффиксом *ну-*:

- (35) *Ну копсик места бода черпал таруха.*
'Ну, ковшиком воды зачерпнула старуха.'
Прыгал тут дверь дыра место.
'Через дверь выпрыгнул.'

---

⁵ Возвратный показатель *-ся*, как правило, опускается при переходе русского глагола в говорку.

3) В русском НСВ является вторичным имперфективом с суффиксом *-ыва/-ива*. В говорку такие формы заимствуются, как правило, с опущением приставки:

- (36) *Тут-то меня не казавал тот раз.*
'Это я не сказал в тот раз.'
Маленькой депка глядывал.
'Маленькая девочка выглянула.'
Оо, лицо только показывал маленько.
'Оо, только лицо немного показала.'

5) Русские формы СВ корректно заменены такими формами НСВ, которые в русском языке образуются нерегулярно, путем уникальных чередований или супплетивно:

- (37) *Теперя тут кашлять начинал.*
'Потом кашлять начал.'
Тут сын-то брал.
'Тут сын-то взял <ковшик>.'

Ряд глаголов представлены в той форме, которая соответствует русскому СВ. Однако с точки зрения говорки между формами, восходящими к русскому СВ, и формами, восходящими к русскому НСВ, нет никакого различия, ср. следующий фрагмент текста:

- (38) *Теперя тут кашлять начинал (<НСВ).*
Прямо через озеро плюнул (<СВ).
Белый камень стал (<СВ) самсем.
Тут луку бытащил (<СВ) нога места.
Так тут мяса-та се резал (<НСВ), так, потом тут места два пуля тут...
Тут-та целил (<НСВ) прямо камень места.
Тут камень-та пополам колол (<НСВ).
Ну серабно бидит (<НСВ) такой сильна не таруха.
Тут бода берху тут бегом ушёл (<СВ).
Сопсем не тонет (<НСВ) даже маленько.
Ооо таруха пугался (<НСВ).
Теперя тут домой дошел (<СВ).
Ну копсик места бода черпал (<НСВ)таруха.
Тут теперя сын места дабал (<НСВ).
Тут сын-та брал (<НСВ).
Бода-то тут копсик-то губы близко положил (<СВ).

'Кашлять начал.

Прямо через озеро плюнул.

Там камень появился, белый-белый.

Потом лук вытащил из ноги.

Ну, ногу вот так всю разрезал, потом оттуда две стрелы...

Потом прицелился прямо в камень.

Камень надвое раскололся.

Ну, она-то всё видела, всё-таки не такая уж она старая.

Потом по воде убежал.

Совсем не тонет, ни капельки.

Ой-эй, старуха испугалась.

Потом домой пошла.

Ковшиком воды зачерпнула старуха.

Сыну дала потом.

Сын взял.

Губы к воде приблизил.'

В этом примере видно, что функцию видового противопоставления (действие законченное в момент наблюдения либо наблюдаемое в его срединной фазе) в говорке обслуживает противопоставление форм, восходящих к прошедшему либо настоящему времени. Так, в данном отрывке все глаголы, описывающие перфективные ситуации, вне зависимости от того, восходят ли они к русской форме СВ или к русской форме НСВ, оформлены прошедшим временем. С другой стороны, в двух предложениях данного фрагмента (они выделены дополнительным отступом вправо), в которых описывается длящаяся в момент наблюдения ситуация, используются формы настоящего времени.

6.2. Образование полной императивной парадигмы, характерной для аборигенных языков этого ареала. На эту черту говорки впервые обратил внимание Е.А. Хелимский. Однако его наблюдения не всегда соответствуют той картине употребления императивных форм, которая наблюдается в наших текстах. Так, в статье Е.А. Хелимского сказано, что в говорке сохранено «повелительное наклонение с единственной формой, восходящей к форме 2 лица единственного числа СРЯ (но образованной иногда аналогически, ср. *резай* ‘режь’). Эта форма используется для всех лиц и чисел императива, в том числе и для первого лица единственного числа (наличие первого лица в императиве характерно для многих урало-алтайских языков, но не для СРЯ):

(39) *Меня пиши па́дерка.*
 Напишу-ка я письмо.» (Хелимский 2000: 390)

В том варианте говорки, с которым мы работали, представлена несколько иная ситуация с императивными формами.

- русские императивные формы (второго лица единственного и, спорадически, множественного числа) являются формами второго лица императива (а не всех лиц императива, как в том варианте говорки, с которым работал Е. А. Хелимский);

- для первого лица существуют две императивные формы: *пускай* + будущее время (изредка будущее время может заменяться настоящим) и *давай* + будущее время (изредка будущее время может заменяться настоящим). Между этими формами есть вполне определенное различие, в общих чертах схожее с тем, что существует в русском языке между *давай* («побудительный императив») и *пускай* (более мягкий императив, также разрешительный императив, также в контекстах типа ‘пусть я умру, если...’);

- для третьего лица нам встретилась только форма *пускай* + будущее время (изредка будущее время может заменяться настоящим);

- для второго лица, помимо собственно императивных форм, заимствованных в говорку из русского языка, возможно также употребление двух вышеназванных конструкций: *пускай* + будущее время (изредка будущее время может заменяться настоящим) и *давай* + будущее время (изредка будущее время может заменяться настоящим).

Итак, система императивных форм в описываемом варианте говорки выглядит следующим образом:

	императив СРЯ	побудительный императив (<i>давай</i>)	разрешительный императив (<i>пускай</i>)
1 лицо	-	+	+
2 лицо	+	+	+
3 лицо	-	- ⁶	+

⁶ Возможно, для третьего лица существует также конструкция с *давай*, которая пока не зафиксирована в наших материалах (нами было сделано более чем 20 часов аудиозаписи на говорке; пока они обработаны не полностью).

Примеры употребления императивных форм:

(40) 2 лицо

Хорошенько меня мотри, говорит.

‘Внимательно смотри на меня.’

На улица давай депка иди смотри.

‘Девочка, на улицу выйди посмотреть<, кто пришёл>.’

Давай это иди говорит тут на охоту мяса у нас нет варить.

‘Иди, говорит, на охоту, нет у нас мяса, чтобы сварить.’

Давай кушать делай.

‘Еду готовь.’

Ну давай треляй меня штоб мучиться не буду.

‘Стреляй, <застрели меня>, чтобы я не мучился.’

Пускай умирайте так говорили наш хозяин.

‘Умирайте себе, <мы вас не примем в свое стойбище>, так говорил наш хозяин.’

Пускай спи.

‘Спи.’

Теперя это меня дочка-то осталась... это, сестра-то. Но тут-то хоть не убей, говорит, пожалуйста. Пускай женись, или как, чё хочешь делать.

‘У меня дочка осталась... сестра. Её-то хоть не убивай. Ну, женись, или как хочешь.’

(41) 3 лицо

Меня токобада пускай придёт.

‘Как я, так же пускай придёт.’

Пускай старший будет попробовать.

‘Старший должен попробовать <себя в состязаниях>.’

Пускай унесить будет наберно одевал.

‘Пускай унесёт <нашу парку-невидимку>, наверное, он ее надел.’

Пускай пойдет не надо нам.

‘Пусть уходит, нам ни к чему.’

(42) 1 лицо

Давай меня дерзу.

‘Давай я подержу.’

Которого тут перед поймать будет пускай тут давать буду.

‘Кто первый поймает, тому я отдам.’

Пускай месте будем.

‘Ладно, вместе будем <жить>.’

Следующий пример иллюстрирует различие двух императивных форм – с *давай* и с *пускай* – в говорке.

(43) *Оу, чего кусать будет, совсем маленькой.*

Ну, пускай унесить буду... тогда весело будет.

Говорка-то есть оказывает... дума.

Давай унесить буду... там жена... мы же двоим ничево нету ребята нету... тут сё-таки (с)лушать будем как это... интересно будет нам.

Давай баба место унесу.

‘Да сколько она <птичка> съест, совсем ведь маленькая. Ладно, отнесу ее домой<, как она просит>... Весело будет. Оказывается, она умеет говорить... думать. Унесу-ка домой... там жена... мы же вдвоем, детей у нас нет... а тут всё-таки будем слушать <птичку>, интересно нам будет. Отнесу-ка ее жене.’

6.3. Эвиденциальность в говорке. В говорке существует эвиденциальная форма: показатель *(о)казывает* (< русск. *оказывается*) передает инференциальное (о ситуации судят по её наблюдаемому результату или по иным косвенным признакам) и адмиративное (ситуация является неожиданной для говорящего) значение. Наличие эвиденциальных форм нехарактерно ни для эвенкийского, ни для долганского языков, но является яркой приметой самодийской языковой группы. Функционально формы с показателем *(о)казывает* точно соответствуют северно-самодийским эвиденциальным формам с показателем нг. *-batu ~ -bađi ~ -bata ~ -bađa ~ -h'ad̄i* / эн. *-bi ~ -pi* / нен. *-вы ~ -мы*. В подавляющем большинстве примеров показатель *(о)казывает* занимает позицию непосредственно после предиката.

- (44) *Оу, тут один баба, красивый баба цалуит два ребята место.*
Э-эй, мой братишка, говорит, большой стали оказывает.
То бремя меня и бас не бидел.
Тогда меня когда убезли отец меня дал дулган место тогда вас совсем маленькой были.
 ‘Оу, тут одна женщина, красивая женщина целует обоих мальчиков.
 «Э-эй, братишки-то мои выросли, оказывается!»
 В то время-то я вас и не видела даже.
 Когда меня увезли, когда отец меня к долганам замуж отдал, вы совсем маленькие были.»’
Тут себремя охотился этот молодой дулган.
Оу, теперя тут жена-то шьет, кура много тут оказывает.
 ‘Этот молодой долган все время охотился.
 Жена шила, шкур-то много было, оказывается.’
Ну утром встали.
Оу там за рекой никакой чум нет еще давно аргишили оказывает дальше.
 ‘Утром встали.
 За рекой чумов нет, давно откочевали.’
Ооо, теперя там (с)мотрел гора место низу там.
Оу, это чё такой дрова прямо ляр низу места один дрова прямо так свалился оказывает боды сторона.
 ‘Теперь смотрел вниз с горы.
 «Что такое? Прямо где яр, внизу, дерево одним концом упало в воду.»’
Тут через, тут болос-то так рядом положил оказывает прямо так лежит.
 (Заглянув в чум спящего врага, герои видят:) ‘«Он так вот перекинул волосы <через шест>, прямо так лежат <волосы>.»’
Хозяин чум место теперя они ушли, зашли.
Он дожидает оказывает этот парень.
 Потом они ушли к чуму хозяина стойбища, зашли к нему.
 Оказывается, он ждал этого парня.
Оу, теперя так ушел, какой-то эта дорога нашёл.
Дорога это оказывает какой.
Замело это дорога.
Эй, там сколько день меня там котел место валялся лежал давно убили оказывает этот народ.
 Потом ушел, след какой-то нашел.
 «След, оказывается.
 Намело дорогу. <то есть выпал снег и стало видно следы.>
 Ох, сколько же дней я пролежал под котлом!
 Давно, выходит, убили этих людей.»
 Ээй, дорога место какой-то черный лежит.
 Ээ, другая лебой стороны рука-то резал оказывает тут-то бросал дорога место.

‘На дороге что-то черное лежит.
 «Ээ, левую руку он себе, оказывается, отрезал, бросил тут, на дороге.»’
Мальчик голова белой становился калил.
Тарик сама симиётся.
*Меня племянник просто так не ходит, хороший напарник друг **нашел** **оказывает**.*
 ‘Голова мальчика белой стала, раскалилась.
 Старик смеётся:
 «Мой племянник-то просто так не ходит, хорошего напарника себе нашел, оказывается.»’

В остальном в глагольной системе говорки представлено достаточно много грамматических форм, пришедших из русского языка, ср. цитату из работы Е.А. Хелимского:

«В говорке сохранены следующие категориальные формы русского глагола:
 – инфинитив, употребляемый как глагольное дополнение, с вспомогательными и модальными глаголами;
 – прошедшее время индикатива;
 – настоящее время индикатива;
 – будущее время индикатива; в СРЯ будущее время имеет простую форму (совпадающую с настоящим временем глаголов несовершенного вида) у глаголов СВ и сложную – у глаголов НСВ, в говорке же (где видовые противопоставления отсутствуют) предпочтение несомненно отдается аналитическим формам;
 – условное наклонение;
 – повелительное наклонение с единственной формой, восходящей к форме 2 лица единственного числа СРЯ.⁷» (Хелимский 2000: 390).

Таким образом, в говорке мы наблюдаем очевидную «асимметрию». Так, в сфере именных грамматических категорий говорка представляет собой полностью оригинальное (на фоне русского) языковое образование. Именные категории говорки, очевидным образом, представляют собой результат пиджинизации: с одной стороны, они сформированы по моделям, характерным для аборигенных языков Таймыра, с другой стороны, они представляют собой достаточно радикальное упрощение этих моделей.

Еще одним косвенным аргументом в пользу того, что именная морфология говорки отражает процесс пиджинизации, могут служить следующее соображение о возможном происхождении послелога *место*. Поскольку этот послелог обслуживает прежде всего пространственные падежи, можно было бы связать его с русским существительным *место*. Однако тут возникают следующие проблемы: если мы рассмотрим любой другой послелог говорки (*низ*, *берку*, *(с)торона* и т.п.), мы можем указать исходную русскую конструкцию, из которых были заимствованы эти элементы (с последующим изменением их структурной позиции). Однако существительное *место*, хотя и кажется подходящим по семантике для обслуживания пространственных падежей, в русском языке подобных употреблений не имеет. С точки зрения теории грамматикализации кажется не слишком правдоподобным, чтобы в качестве некоторого показателя грамматикализовалась лексическая единица, обладающая соответствующим (достаточно абстрактным) значением, но не обладающая необходимым функциональным потенциалом. Неформально говоря, эта ситуация выглядела бы следующим образом: в языке-лексификаторе выделяется подходящая по семантике лексическая единица и искусственно приспособливается для передачи необходимого грамматического значения – причем значения, которое возникает в тексте едва ли не в половине фраз. Вероятно, можно предложить другой сценарий: показатель *место* можно возвести к русскому предлогу *вместо* (с закономерным упрощением начального кластера и закономерным изменением его структурной позиции). В данном случае необходимо предполагать со-

⁷ Об отличии в императивной парадигме описываемого здесь варианта говорки см. выше.

вершенно блестящую карьеру показателя, восходящего к элементу *место*: показатель с достаточно узким значением оказался способным обслуживать очень широкий спектр пространственных (и производных от них) значений. Однако если учитывать ситуацию языковых контактов при пиджинизации, то столь стремительную функциональную экспансию можно было бы объяснить тем, что базовой ситуацией общения при возникновении пиджина является ситуация товарного обмена, и в этом случае вполне закономерно, что элемент *место* оказался одним из первых, с которым познакомились представители аборигенного населения.

С другой стороны, русская глагольная морфология представлена в говорке неожиданно полно в сравнении с именной морфологией. Даже в том случае, когда грамматика говорки была упрощена в сравнении с русским языком (утрата категории вида), можно, неожиданным образом, говорить о том, что «создатели говорки» весьма успешно осуществили морфологический анализ русского глагола, что подразумевало достаточно глубокое овладение русской глагольной системой. А именно, при нейтрализации видового противопоставления в говорке была, с одной стороны, совершена абсолютно корректная замена значительного количества форм СВ соответствующими формами НСВ с сохранением достаточно нетривиальной морфологии образования русских видовых пар. С другой стороны, в целом ряде глаголов в говорке были последовательно удалены приставки, что также предполагает возможность корректного морфологического анализа – ср. с этим, например, заимствования в эвкийский язык русских существительных, от которых при заимствовании не был отделен предлог: *настол* ‘стол’, *накарбат* ‘кровать’.

О странном для пиджина «совершенстве» глагольной морфологии пишет и Д. Штерн в своем исследовании говорки, предлагая возможные объяснения этого феномена. В частности, он предполагает, что говорка представляет собой не пиджин в чистом виде, а уже, так сказать, более совершенную степень овладения неродным (то есть русским) языком. При этом он предполагает, что русская глагольная морфология оказалась более простым и прозрачным фрагментом русской грамматики в сравнении с именной морфологией, осложненной несколькими типами склонения, частично скоррелированными с противопоставлениями по роду. И именно этим, с его точки зрения, можно объяснить такой странный дисбаланс в грамматической системе говорки. (см. Stern 2005: 310–311)

Однако предположения Д. Штерна никак не объясняют, почему именная грамматика говорки оказалась существенно дальше от русского прототипа, чем глагольная. Ни предположение о том, что русская глагольная морфология «прозрачнее» именной, ни предположение о том, что носители говорки в какой-то более поздний период обучились формам русского глагола, при этом так и не сумев осознать русскую именную морфологию, не кажутся достаточно убедительными – в том числе, кажется, и сам Д. Штерн не уверен ни в одном из предлагаемых объяснений.

Позже, в 2009 году, Д. Штерн написал еще одну статью, специально посвященную возможным причинам возникновения подобной асимметрии в грамматической системе говорки. В этой работе (см. (Stern 2009: 15–17) Д. Штерн предполагает, что говорка сформировалась в процессе конвергенции (постепенной взаимной аккомодации) нескольких вариантов русского языка, существовавших в то время на Таймыре. На одном полюсе были наиболее пиджинизированные формы русского языка, на другом – русский язык затундренных крестьян. Данное объяснение кажется нам во многих аспектах верным. Однако, как нам кажется, апелляция к процессу постепенной языковой конвергенции может объяснить, почему глагольная морфология говорки «слишком совершенна» для пиджина, но не объясняет, в то же время, того, почему именная морфология совершенно не была затронута этим процессом.

Внимание на асимметрию в грамматической системе говорки обратил и А.М. Певнов, с которым мы вместе собирали материал по говорке. В 2009 году он под-

готовил статью, в которой сказано следующее: «Как видим, говорка сравнительно мало изменила русский глагол, однако имя существительное было в ней “переморфологизовано” кардинальным образом: оно утратило все (или почти все) формы. Интересно, что в смешанных языках (например, в медновском) именная морфология тяготеет к одному языку-предку (в медновском к алеутскому), а глагольная – к другому (в медновском к русскому) (Головкин 1997: 120, 122).» (Певнов: в печати).

Интересно, что оба исследователя независимо друг от друга в связи с очевидным «креном» глагольной морфологии говорки в сторону русского прототипа упомянули язык медновских алеутов. Д. Штерн проводит эту параллель в качестве аргумента в пользу того, что глагольная морфология является более прозрачным фрагментом русской грамматики и потому заимствуется легче именной морфологии. А.М. Певнов никак не комментирует сделанное им наблюдение. Как кажется, ассоциация с языком медновских алеутов в данном случае не случайна.

Действительно, несколько огрубляя картину, можно сказать, что реальность, наблюдаемая в говорке (классифицируемой как пиджин) и медновском алеутском (смешанном креольском языке) такова:

	Язык медновских алеутов	Говорка
лексика	алеутский + русский	пиджин + СРЯ
именная морфология	алеутский	пиджин
глагольная морфология	русский	СРЯ

Медновский алеутский представляет собой явный случай языкового смешения, так как он объединяет материальные элементы, восходящие к двум языкам-источникам. Что касается говорки, то в ней все материальные элементы восходят к русскому источнику. Однако заимствования, как известно, могут быть не только материальными, но и структурными, и с точки зрения структуры говорка представляет собой, несомненно, смешанный тип языкового образования. А именно, часть грамматических конструкций (в основном в сфере имени) представляет собственно таймырский пиджин, а часть грамматических конструкций (в сфере глагольной грамматики), несомненно, тяготеет к русскому языку, хотя и не полностью ему идентична. До сих пор наличия такого рода смешанных языков – а именно, структурно, а не материально смешанных – не регистрировалось. Но, возможно, это объясняется тем, что языковое смешение в данном случае «замаскировано» за счет однородности материальной стороны такого языка.

Если принять, что наше предположение о говорке как о смешанном языке верно, то она должна была возникнуть при контакте двух языковых коллективов: в одном должны были быть представители аборигенного населения, владевшие говоркой, в другом – носители СРЯ. Смешанные языки такого типа возникают прежде всего в среде креолов – потомков смешанных браков. Наиболее вероятно в данном случае смешение долганского (точнее, «прадолганского») и русского этносов. Дело в том, что долгане были крещены раньше всех прочих аборигенных народов Таймыра, что, естественно, обусловливало возможность смешанных браков. Кроме того, известно о вхождении группы этнических русских (затундренных крестьян) в состав долганского этноса, тогда как о вливании русских этнических групп в другие аборигенные этносы Таймыра (эвенкийский и нганасанский) никаких сведений нет, и такое вливание представляется маловероятным. Соответственно, можно предполагать, что интересующие нас смешанные браки связывали долган и этнических русских, причем долгане к тому времени владели пиджинизированной формой русского языка (обозначим ее как Т<аймырский>П<иджин>), которая и подверглась смешению с СРЯ. Если это предположение справедливо, своеобразие данной ситуации смешения состоит в том, что смешению подвергались не два языка, родных для двух контактирующих этносов, а родной для одной

стороны СРЯ и ТП, которым владела вторая сторона. Тем самым, говорка представляет собой результат смешения ТП и СРЯ.

Возникает вопрос о том, где же и каким образом возник тот компонент говорки, который мы обозначили как ТП. Как мы попытались показать выше, на наш взгляд, этот пиджин стоит ближе всего к северно-самодийскому языковому типу. Сейчас говорка распространена прежде всего в среде нганасан, однако нганасане всегда существовали в относительной изоляции от русских, и они являются наименее вероятными кандидатами на то, что ТП сформировался именно при контактах нганасанов с русскими. Д. Штерн также говорит о говорке именно как о таймырском пиджине – но история проникновения русских на Таймыр такова, что практически невозможно предположить, что ТП возник именно на территории Таймыра: относительно активное заселение русскими Таймыра началось в первые десятилетия XIX века. При этом Д. Штерн приводит записи говорки (именно говорки, а не ТП!), сделанные А. Миддендорфом в 1834 году. Соответственно, если бы ТП возник именно на Таймыре, мы должны были бы предполагать, что за четверть века произошло как возникновение ТП, так и его смешение с СРЯ. Но, как кажется, 20–25 лет – слишком маленький для этого срок. Кроме того, из представленных на Таймыре аборигенных народов именно самодийцы в наибольшей степени сторонились русских – вряд ли пиджин с северно-самодийскими структурными чертами мог так быстро возникнуть и распространиться на этих территориях.

Возможно, ТП был принесен на Таймыр из более южных районов, где контакты с русскими имели более регулярный характер (Мангазея, а в последствии Туруханск и Дудинка) – эти территории изначально были заселены энцами, которые позднее мигрировали в более северные районы, в том числе на собственно таймырские территории нганасан. Впрочем, в основных чертах три аборигенных языка Таймыра, которые теоретически могли повлиять на формирование того компонента говорки, который мы определяем как ТП, морфосинтаксически представляют один и тот же урало-алтайский тип, так что категорическое утверждение о том, что ТП отражает исключительно северно-самодийскую языковую модель, выглядело бы слишком резким.

Д. Штерн утверждает, что в начале XX века говорка могла быть распространена не только на Таймыре, но как минимум еще в районах Туруханска и Илимпейска в среде эвенков (Stern 2005: 290). То, что говорка имела ранее предположительно более широкое распространение, может свидетельствовать о том, что в данный момент Таймыр, как наиболее удаленная от русского влияния территория, просто является зоной консервации говорки. Аналогично, и тот элемент говорки, который мы условно определили как таймырский пиджин, мог возникнуть южнее Таймыра.

Если говорка, действительно, представляет собой пример структурно смешанного языка, а не собственно пиджин, то изменение статуса этого языка с течением времени выглядит довольно занятным:

- на первом этапе смешению подверглись собственно пиджин (ТП), который по определению не является ни для кого родным языком, и СРЯ, являвшийся родным языком одной из сторон в смешанных русско-долганских браках.

- для одного или двух поколений детей подобных смешанных браков возникшая в результате смешения ТП и СРЯ говорка являлась, вероятно, родным (одним из родных) языков;

- таким образом возник креольский язык – однако в качестве креольского он просуществовал всего одно или два поколения. В дальнейшем, в ходе ассимиляции долганами затундренных крестьян, единственным бытующим в этой среде родным языком остается долганский;

- говорка, тем самым, подобно ТП, превращается в язык межнационального общения, сохраняющийся прежде всего в среде аборигенов Таймыра. На этой стадии своего общения говорка, вероятно, вторично подверглась пиджинизации – в частности, можно

допустить, что нередкие случаи некорректного употребления лично-числовых глагольных форм в говорке (ср. (Хелимский 2000: 391) и (Stern 2005: 309)) объясняются именно процессом вторичной пиджинизации.

Литература

- Головкин, Е.В.: 1997, 'Медновских алеутов язык', *Языки мира. Палеоазиатские языки*, Москва: Индрик, 117–125.
- ИФЭ: 1966, *Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания*. Запись текстов, перевод и комментарии Г.М. Василевич. Москва–Ленинград: Наука.
- Певнов, А.М. (в печати), *О проекте «Последние фольклорные записи на языках четырех самых малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока (итоги 2009 года)»*, Москва.
- Перехвальская, Е.В.: 2007, 'Говорка – упрощение или усложнение?', *Типология языка и теория грамматики. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона*, СПб: Нестор-История, 162–165.
- Убрятова, Е.И.: 1985, *Язык норильских долган*, Новосибирск: Наука.
- Хелимский, Е.А.: 2000, '«Говорка» – таймырский пиджин на русской лексической основе', Хелимский, Е.А., *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*, Москва: Языки русской культуры, 378–395.
- Stern, D.: 2005, 'Taimyr Pidgin Russian (Govorka)', *Russian Linguistics*, 29, 289–318.
- Stern, D.: 2009, 'The Taimyr Pidgin Russian morphology enigma', *International Journal of Bilingualism*, Vol. 13, N. 3, 1–18.